

Н. Ю. Акинина, А. А. Берндт

ИНСТИТУТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проведен анализ причин возвращения российского законодателя к институту административной преюдиции. Такими причинами являются проведение либеральной политики уголовного законодательства, а также возможность предупреждения преступлений посредством административных взысканий.

Ключевые слова: административная преюдиция, либеральная политика уголовного законодательства.

INSTITUTION OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE IN CRIMINAL CODE OF RUSSIAN FEDERATION

This article analyses reasons for the return of Russian lawmakers to the Institution of administrative prejudice. Such reasons are carrying out a liberal policy of criminal legislation and the possibility of crime prevention through administrative penalties.

Key words: administrative preclusion, liberal policy of criminal law.

В переводе с латыни «*praepjudicialis*» означает относящийся к предыдущему судебному решению; налагаемый на основании предыдущего решения [6].

Институт административной преюдиции для отечественного уголовного права не является новым.

Впервые данная правовая конструкция была применена в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года (статья 79 УК РСФСР «Неплатеж отдельным гражданам в срок или отказ от платежа налогов, денежных или натуральных, от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение», статья 118 «Непредставление должностными лицами в срок по требованию центральных или местных властей необходимых сведений, справок, отчетов и т. п., представление коих для них обязательно по закону»). Практика формулирования составов преступлений с кримиобразующим признаком повторности, систематичности сохранилась также и в УК РСФСР 1926 года (статья 61 УК РСФСР «Отказ от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение»). Затем данный уголовный закон был еще дополнен 13 статьями с кримиобразующим признаком повторности, систематичности или совершения правонарушения в виде промысла. Уголовный кодекс 1960 года расширил круг применения административной преюдиции до 19 составов преступлений (выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции (ст. 152), коммерческое посредничество (ч. 2 ст. 153), мелкая спекуляция (ч. 3 ст. 154), выпуск в продажу недоброкачественных, нестандартных и не комплектных товаров (ст. 157), подделка проездных билетов (ч. 2 ст. 159), занятие запрещенным промыслом (ч. 1 ст. 162), незаконная охота (ч. 3 ст. 166), незаконная порубка леса (ч. 1 ст. 169), распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190), нарушение правил въезда или проживания в пограничной полосе или пограничной зоне (ст. 197), нарушение иностранными гражданами и лицами без гражданства правил передвижения на территории СССР (ст. 197), нарушение паспортных правил (ст. 198), уклонение военнообязанного от воинского учета (ст. 198), злостное нарушение правил административного надзора (ст. 198), мелкое хулиганство (ч. 3 ст. 206), систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством (ст. 209), самовольная отлучка (п. «а» ст. 245), злоупотребление властью, превышение или бездействие власти (п. «а» ст. 260), дурное обращение с военнопленными (п. «а» ст. 268).

При принятии действующего Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года законодатель исключил административную преюдицию. Такое решение было мотивировано тем, что преюдиция противоречила статье 50 Конституции РФ, которая закрепляла положение, в соответствии с которым никто не может быть повторно осужден за одно и то же правонарушение.

Один из основных доводов о недопустимости административно-правовой преюдиции заключался в том, что сколько бы ни было административных правонарушений, они не могут перерасти в преступление. Уже крылатым стало выражение Н. Ф. Кузнецовой о том, что «количество непроступных правонарушений не может перерасти в преступное качество, как сто кошек не могут приобрести качество тигра» [9, 83].

Профессор М. И. Ковалев полагал, что повторность проступка не в состоянии превратить его в качественно новое явление, которое требует уже не административно-правового, а другого, более строгого регулирования. По его мнению, иное противоречило бы органическому принципу нашей правовой системы, согласно которому разграничение различных правонарушений производится по предмету регулирования, а не по его субъекту. Этот автор считал, что повторность не может изменить внутреннюю сущность поступка как события объективной действительности, следовательно, не может изменить и предмет правового регулирования. Из сказанного М. И. Ковалевым следует, что повторность – обстоятельство, характеризующее личность преступника, а не его деяния. Наличие в нашей стране длительной законодательной практики учета повторности проступка как конструктивного (криминообразующего) признака преступления М. И. Ковалев объяснял тем, что законодатель в этом случае исходил из чисто практических соображений, главным из которых было стремление усилить репрессии за склонность к повторению однотипных действий, в совокупности повышающих общественную опасность деяния [7, 11–12]. Данную позицию высказывали и другие исследователи [3, 31; 5, 40; 10, 68; 13].

Однако в последнее время наметилась тенденция введения в Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года составов преступлений с административной преюдицией. Федеральным законом от 29 июля 2009 года № 216-ФЗ «О внесении изменения в статью 178 УК РФ» установлена уголовная ответственность за неоднократное злоупотребление доминирующим положением. В июле 2011 года действующий уголовный закон дополнен еще одним составом с административной преюдицией, предусматривающим ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, совершенную неоднократно (статья 151.1 УК РФ). Затем, в 2014 году, введена статья 212.1 УК РФ с признаком неоднократности (неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования). И уже за период 2015–2016 годов было принято шесть таких составов (статья 157 «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», статья 116.1 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию», статья 158.1 «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию», статья 215.4 «Незаконное проникновение на охраняемый объект, статья 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию», статья 284.1 «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности»).

Сторонники административной преюдиции указывают, что, несмотря на то, что практически любое противоправное деяние, признаваемое преступлением с учетом предшествующего административного правонарушения, по большинству элементов своего состава не отличается от этого административного правонарушения (у них полностью тождественны объект посягательства, а также объективная и субъективная стороны), разным является субъект. Ведь лицо, совершившее противоправное деяние повторно, в любом случае является более общественно опасным, чем лицо, совершившее такое же деяние впервые [1, 52]. В связи с этим В. П. Малков рассматривает личность преступника в качестве связующего звена между административным взысканием и преступлением, считая, что виновный при совершении повторных преступлений демонстрирует вызов обществу и тем самым обнаруживает свою по-

вышенную опасность, которая формирует у него в дальнейшем преступный профессионализм [11, 25]. Аналогичную позицию высказывали и другие исследователи [2, 114; 8, 70; 12, 11; 14, 103; 15, 12–14].

Одной из причин введения составов с такой конструкцией являлось желание законодателя проведения либеральной политики уголовного законодательства, поскольку административная преюдиция может частично декриминализировать преступные деяния. Так, такая конструкция позволяет изначально привлекать к административной ответственности и только потом к уголовной ответственности. В результате такой либерализации в уголовный закон введены составы преступления (статьи 116.1, 157, 158.1 УК РФ), предусматривающие привлечение к уголовной ответственности при условии наличия административного взыскания за данное деяние. Ранее за данные деяния предусматривалась исключительно уголовная ответственность.

Кроме того, возвращение административной преюдиции в уголовное право обусловлено не только соблюдением принципа экономии уголовной репрессии и возможностью предупреждения преступлений посредством административных взысканий.

Административная преюдиция могла также способствовать повышению эффективности уголовного закона посредством более четкого разграничения преступлений и административных правонарушений [4, 96–106]. Действительно, административные правонарушения отличаются от преступлений по степени общественной опасности. Однако грань между ними настолько тонка, что разграничить их бывает достаточно сложно. Данная конструкция позволяет разграничить уголовно-правовые деяния и административные правонарушения по признаку неоднократности.

Так, например, неисполнение алиментных обязательств является одним из самых распространённых деяний. Развод, как правило, сопровождается личностно-психологическим конфликтом со взаимными оскорблениями и претензиями. Острый психологический конфликт между бывшими супругами, неумение цивилизованным способом решать возникающие проблемы порождают устойчивое желание уклоняться от алиментных обязательств. В этой ситуации наличие уголовной ответственности, предусматривающее наказание за злостное неисполнение алиментных обязательств, было малоэффективно, поскольку возникали сложности с доказыванием признака злостности, и попросту приводило к перегруженности уголовной юстиции. В связи с распространённостью данного противоправного деяния оно было переведено в русло административной ответственности. Однако неуплата родителем без уважительных причин средств на содержание несовершеннолетних детей, если это деяние совершено неоднократно, влечет наступление уголовной ответственности. Данная конструкция состава позволяет проще разграничивать уголовно-правовые деяния и административные правонарушения по признаку неоднократности, что вселяет надежду на более эффективную борьбу с неплательщиками алиментных обязательств.

Кроме того, административная преюдиция позволяет криминализировать повторяющиеся административные правонарушения. Соответственно, составы с административной преюдицией будут иметь дополнительный эффект увеличения превенции различных правонарушений. Как полагает А. П. Шергин, формулируя составы преступлений с административной преюдицией, законодатель презюмирует возможность предупреждения этих правонарушений посредством административных взысканий. Последние обоснованно рассматриваются как правовые средства борьбы не только с административными проступками, но и с преступными деяниями [164, 299].

Так, например, пьянство за рулем является острой социальной проблемой нашего общества и источником нарушений общественной безопасности на дороге. Об этом свидетельствует статистика аварийности и количество жертв автомобильных катастроф. Наказание за езду в нетрезвом виде за последние годы ужесточалось в России не один раз. Однако ни штраф до 30 тыс. рублей, ни административный арест до 15 суток не смогли повлиять на проблему пьяных водителей в целом. Так, ужесточение мер административной ответственности вполне могло воздействовать на большую часть автомобилистов. Однако отдельная категория лиц к данным мерам оказалась нечувствительной, поскольку лишённые прав

злостные алкоголики и наркоманы свободно продолжали разъезжать по дорогам. К этой категории можно отнести и так называемую «золотую молодежь», пренебрегающую нормами общежития, относящую себя к особой касте, на которую не действуют не только нормы морали и этики, но и нормы права. Ради таких лиц с ярко выраженной устойчивостью антисоциальных свойств личности было введено уголовное наказание.

Таким образом, проанализировав причины возвращения административной преюдиции, следует поддержать позицию Президента Российской Федерации, который высказал в Послании Федеральному Собранию РФ 2009 года необходимость шире использовать административную преюдицию, поскольку только неоднократность совершающихся однородных правонарушений порождает новое свойство поведения правонарушителя. В связи с этим многие правонарушения даже невысокой степени общественной опасности только с учетом антиобщественной установки личности приобретают преступный характер.

Литература

1. Безверхов, А. Г. Возвращение административной преюдиции в уголовное законодательство России [Текст] / А. Г. Безверхов // Российская юстиция. – 2012. – № 1. – С. 48–53.
2. Борзенков, Г. Н. Тенденции и перспективы развития уголовного законодательства в XXI веке (опыт сравнительно-временного анализа) [Текст] / Г. Н. Борзенков // Уголовное право в XXI веке : материалы междунар. науч. конф. – Москва, 2002. – С. 110–114.
3. Гогин, А. А. Ответственность за нарушение Федерального закона «О рекламе» [Текст] / А. А. Гогин // Право и политика. – 2004. – № 5. – С. 27–31.
4. Гравица, А. А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе [Текст] / А. А. Гравица // Журнал российского права. – 2016. – № 11. С. 96–106.
5. Гулько, А. Л. История уголовной ответственности за хулиганство в России [Текст] / А. Л. Гулько // Адвокатская практика. – 2006. – № 5. – С. 36–43.
6. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь [Текст] / И. Х. Дворецкий. – изд. 2-е перераб. и доп. – Москва, «Русский язык», 1976. – 1096 с.
7. Ковалев, М. И. Преступление и проступок [Текст] / М. И. Ковалев // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усилению борьбы с правонарушениями : межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1982. – С. 3–14.
8. Коробеев, А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации [Текст] / А. И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. – 268 с.
9. Кузнецова, Н. Ф. Цели и механизм реформы Уголовного кодекса [Текст] / Н. Ф. Кузнецова // Советское государство и право. – 1992. – № 6. – С. 78–86.
10. Лопашенко, Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! [Текст] / Н. А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3. – С. 64–71.
11. Малков, В. П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву [Текст] / В. П. Малков ; Казан. гос. ун-т. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1982. – 172 с.
12. Оноколов, Ю. П. Расширение применения административной преюдиции повысит превентивное воздействие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовного кодекса Российской Федерации [Текст] / Ю. П. Оноколов // Миграционное право. – 2013. – № 3. – С. 11–15.
13. Тарбагаев, А. Н. Административная ответственность в уголовном праве [Текст] / А. Н. Тарбагаев // Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 62–68.
14. Устинова, Т. Д. Расширение уголовной ответственности за незаконное предпринимательство [Текст] / Т. Д. Устинова // Журнал российского права. – 2003. – № 5. – С. 97–103.
15. Фризен, П. Д. Административно-правовое предупреждение отдельных видов преступлений [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Фризен Петр Дмитриевич. – Барнаул, 2004. – 208 с.
16. Шергин, А. П. Избранные труды юбиляра [Текст] / А. П. Шергин. – Москва : Акад. экон. безопасности МВД России, 2005. – 487 с.